

В ПОЛЬЗУ МАРИИ

ДЕЛО ГРАФИНИ ТАРНОВСКОЙ

АНТОН АБРАМОВ

Антон Абрамов

В пользу Марии

<https://litres.ru/74020233>

SelfPub; 2026

Аннотация

Венеция, 1907 год.

Русский граф Павел Камаровский оформляет крупный страховой полис в пользу своей невесты - Марии Тарновской, женщины, чье имя уже окружено слухами, дуэлями, морфием, долгами и мужскими судьбами. Через несколько дней молодой Алексей Наумов приезжает в Венецию и стреляет в графа.

Убийца известен сразу. Загадка в другом: кто подвел его к выстрелу? Сама история гораздо глубже.

Русский чиновник Илья Россоловский начинает разбирать дело, где нет прямого приказа, зато есть письма, ревность, деньги, адвокат Прилуков и Мария, которую одни считали жертвой, другие преступницей, а Европа превратила в миф.

«В пользу Марии. Дело графини Тарновской» - исторический психологический детектив по мотивам реального судебного процесса, который потряс Европу, а затем оказался вытеснен войной, революцией и временем. Роман о любви как власти, о преступлении без произнесенного приказа и о женщине, которую все пытались разгадать, пока сами становились частью ее легенды.

Содержание

Слово автора	4
ПРОЛОГ. Опись	9
ЧАСТЬ I. ТЕЛО И ПОЛИС	17
Глава 1. Чиновник без полномочий	17
Глава 2. Комиссар Никодемо	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

В пользу Марии

Слово автора

Всё началось с одной строки.

Я искал совсем другой материал — старые газетные дела начала XX века, судебные хроники, странные преступления на изломе эпох. Среди фамилий, городов и дат вдруг возникла она: **Мария Николаевна Тарновская**. Русская графиня. Венеция. Выстрел. Страховой полис в её пользу. Молодой любовник, который нажал на спуск. Адвокат, бросивший ради неё семью, деньги и имя. Процесс, за которым следила Европа.

Я прочёл эту строку и вернулся к ней через несколько минут.

В таких случаях писатель узнаёт материал не по громкости события, а по внутреннему сопротивлению. Одни истории легко пересказать: кто убил, почему, чем кончилось. Эта не давалась. В ней всё было ясным только на поверхности. Был убийца — Алексей Наумов. Был убитый — граф Камаровский. Был полис. Были письма. Были деньги. Были морфий, ревность, болезнь, роскошь, венецианский суд и женщина, о которой каждый свидетель говорил так, словно рассказывал прежде всего о себе.

Чем дальше я читал, тем меньше понимал, как такое имя

оказалось забытым.

В 1910 году дело Тарновской знала вся читающая Европа. Газеты писали о ней с восторгом и отвращением. Юристы спорили, можно ли доказать преступление без прямого приказа. Врачи рассуждали о внушении, истерии, морфии и воле. Моралисты видели в ней порок. Одни мужчины называли её жертвой. Другие — чудовищем. Третьи, кажется, просто боялись признать, что рядом с ней сами становились хуже или слабее, чем привыкли о себе думать.

А вскоре пришла война.

Первая мировая смела старую Европу вместе с её газетными сенсациями, отельными террасами, судебными залами, дуэлями, вуалями, консульскими интригами и русскими аристократическими скандалами. За войной пришла революция. Русский довоенный мир ушёл в пепел, чемоданы, эмигрантские кухни и семейные архивы. История Марии Тарновской, которая могла бы стать одним из главных европейских мифов о женщине, власти и преступлении, осталась на краю памяти.

Меня поразило даже не само убийство.

Меня поразила вопрос: **может ли человек быть виновен в чужом поступке, если он не отдавал приказа ?**

В этом деле не было простой сцены, где женщина говорит мужчине: “убей”. Напротив, самое страшное находилось в отсутствии такой фразы. В письмах, паузах, жалости, ревности, болезни, деньгах, обещаниях, в словах “я никого не

прошу”, которые один человек мог принять за отказ, другой — за доверие, третий — за разрешение действовать.

Так появилась книга.

Я стал читать всё, что удавалось найти: газетные публикации, старые пересказы, судебные подробности, свидетельства эпохи, материалы о Венеции, Киеве, Лидо, Ницце, русской колонии, врачебных теориях начала века, ранних спорах о внушении и зависимости. Реальные факты давали прочный костяк: Мария Тарновская, Павел Камаровский, Алексей Наумов, Донат Прилуков, Венеция, полис, выстрел, процесс. Но роману требовалось другое — увидеть не только событие, а систему взглядов вокруг него.

Так возник Россоловский, русский чиновник без официальных полномочий, который приезжает в Венецию разобраться в деле и постепенно понимает: расследовать придётся не только убийство, а саму природу влияния.

Так возникла Элиза, служанка, которая видит не легенду, а вещи: перчатку, шаль, чашки, письма, пятна, лекарства.

Так возникла синьора Лоредан, медиум из Венеции, потому что начало XX века верило в духов почти так же охотно, как в диагнозы. Людям требовалось назвать тайной то, что они не хотели признавать в себе.

И так постепенно сложилась Мария.

Не роковая красавица из газетного листа. Не карикатурная преступница. Не безвинная мученица. Женщина, которую сначала сделали образом, а затем она стала жить сре-

ди отражений так уверенно, что они начали служить ей. Женщина, раненая мужским миром и в то же время опасно точная в знании его слабостей. Женщина, которая могла страдать искренне и всё равно использовать своё страдание. Молчать... и этим заставлять других говорить. Ничего не просить... и оставлять человеку место, где он сам достроит её просьбу до поступка.

Я не хотел написать книгу о “роковой женщине”.

Этот ярлык слишком удобен. Он снимает часть ответственности с мира, который с восторгом следил за её процессом, разглядывал газетные портреты, ставил диагнозы душе, давал ей деньги, роли, слова, страхи, судил её и одновременно питался её мифом.

Мне хотелось написать роман о другом: о том, как рождается преступление без прямого приказа; как любовь становится властью; как сострадание превращается в собственничество; как письмо может быть опаснее пистолета; как человек слышит в чужом молчании именно то, что уже готов сделать.

Мария Тарновская остаётся загадкой не потому, что о ней мало говорили. О ней говорили слишком много.

Каждый видел в ней своё.

Камаровский — женщину, которую нужно спасти.

Наумов — смысл собственного страдания.

Прилуков — величие своего падения.

Газеты — лицо для европейского скандала.

Суд — обвиняемую.

Врачи — случай.

Слуги — следы на вещах.

Мужчины — оправдание своим поступкам.

А кем была она сама?

На этот вопрос роман не даёт удобного ответа. И, возможно, в этом единственный честный способ подойти к ней.

Эта книга — не судебная реконструкция и не биография. Это художественный роман, основанный на реальном деле. Факты стали фундаментом. Вымысел — способом войти туда, куда документы не вхожи: в паузу перед ответом, в жест снятой перчатки, в письмо, которое читают вслух, в комнату, где человек ещё жив, но его жизнь уже внесена в опись.

Когда я начинал работу, мне казалось, что я нашёл забытую преступницу.

К концу стало ясно: я нашёл забытую эпоху, которая слишком легко назвала одну женщину чудовищем, чтобы меньше смотреть на себя.

Именно поэтому эта история вернулась.

Не для оправдания Марии.

И не для её окончательного обвинения.

А для вопроса, который пережил её процесс, судей, любовников, газетные портреты и весь старый мир, где она стала возможна:

Кто держит оружие, если выстрел рождается за пределами ладони?

ПРОЛОГ. Описание

Венеция, сентябрь 1907 года

Пока Павел Камаровский дышал за складной ширмой, комиссар Никодемо составлял описание в гостиной его номера.

Апартаменты в Palazzo Maurogonato были сняты для новой жизни. Об этом говорила каждая вещь, выбранная с затратой и вкусом: резная кровать под пологом цвета старого золота, два кресла с вишнёвыми подлокотниками, высокий туалетный стол с венецианским зеркалом, серебряный прибор для бритья, французские книги с разрезанными страницами, дорожный несессер из тёмной кожи. На мраморной крышке стояли флакон карболки, стакан, блюдце с почерневшим пером. У окна раскрыли один чемодан; на белой сорочке лежал мужской жилет, приготовленный к ужину, который уже утратил назначение.

По распоряжению Никодемо на стол выложили вещи графа.

Паспорт. Часы. Портсигар. Записную книжку с золотым обрезом. Пять писем на русском языке, перевязанных голубой лентой. Квитанцию ювелира. Страховой полис. Футляр из синей кожи.

Молодой агент открыл футляр.

На бархате лежала нить крупного жемчуга. Бусины имели разный оттенок: молочный, розоватый, с едва заметной

серой глубиной у края. Вещь выбирали долго; это было видно по счёту, по подписи ювелира, по отдельной строке за доставку на Лидо.

— Закрывать, — распорядился Никодемо.

Агент опустил крышку.

— Номер двенадцать, — продиктовал комиссар. — Ожерелье жемчужное в футляре. Счёт приложен.

За ширмой кашлянул раненый. Сестра милосердия вышла в гостиную, придерживая на запястье белую манжету. Взгляд у неё был усталый, лицо сохраняло больничную собранность.

— Он просит бумагу.

Никодемо поднял голову.

— Для показаний?

— Для письма.

— Адресат?

Сестра поглядела на русского консула. Тот стоял у окна, высокий, краснолицый, с воротником, врезавшимся в шею.

— Графиня Тарновская, — произнесла она.

Консул закрыл глаза на короткую секунду. За день это имя прозвучало в каждой комнате: на лестнице, у кровати, в полицейском кабинете, среди служанок, у портье. Итальянцы произносили его осторожно, русские — с той особой ясностью, с какой люди касаются чужого позора.

— Бумагу дать, — решил Никодемо.

Доктор возразил по-итальянски. Комиссар ответил ему

тихо, без жеста. Сестра вернулась за ширму с листом гостиничной бумаги и чернильницей.

Камаровский лежал на высокой кровати. Его крупное лицо осунулось за день; у губ появился серый оттенок. Усы, всегда уложенные с тщанием, сбились на одну сторону. Повязка закрывала грудь, поверх ткани выступило новое розовое пятно. На пальцах оставались следы лекарства и пороховой копоти; ногти были обломаны, как у человека, который цеплялся за край стола или за рукав убийцы.

Сестра придвинула столик. Перо царапнуло бумагу.

— Начните так, — проговорил Камаровский. — “Милая Мария Николаевна”.

Никодемо встал у изножья кровати. Консул хотел протестовать, но передумал. Доктор держал часы, глядя то на циферблат, то на лицо раненого.

— “Если эту записку вам передадут, примите мою благодарность. Я ухожу с вашим именем. Всё, что предназначено вам, прошу вручить без спора. Ваше имя прошу оградить от толков”.

Сестра остановила перо.

— Повторить последнюю фразу?

— Да.

Никодемо записал её в свою книжку.

— Вы говорите о графине? — спросил он.

Камаровский повернул голову к комиссару. Движение далось ему с видимым усилием.

— О моей невесте.

— Алексей Наумов стрелял из ревности?

Камаровский долго смотрел на итальянца. В его глазах появилась усталость, но разум ещё держался.

— Он мальчик.

— Это ответ для священника. Мне нужен ответ для протокола.

— Тогда пишите: Наумов стрелял.

— Один?

Сестра подняла глаза. Консул быстро шагнул к кровати.

— Господин комиссар, довольно.

Никодемо остался на месте.

Камаровский закрыл веки. Перед ним возникла терраса на Лидо: лампы под стеклянными колпаками, белые скатерти, тяжёлые ведёрки со льдом у ножек столов, чёрные фраки официантов, золотые ободки тарелок. Вечерний воздух шёл с моря. В зале настраивали скрипки.

Мария Николаевна сидела боком к перилам, в сером платье, застёгнутом высоко под горлом. Белая шаль лежала на её плечах. Одна перчатка была снята; тонкая кисть держала край чашки. Она слушала его, опуская взгляд, и на его слова отвечала редкими движениями головы. За соседним столом английская дама смотрела на неё через лорнет. Двое молодых людей у колонны переговаривались по-французски и смеялись тише обычного.

Камаровский пересел так, чтобы заслонить Марию Нико-

лаевну от чужих глаз.

В тот вечер он говорил о доме. О южных окнах, о докторе, которому можно платить заранее, о зимних розах, о праве закрывать двери для визитёров, о тихих завтраках, где никто не спросит о прошлом. Она слушала. Молчание он принял за доверие. Пальцы на чашке — за усталость. Опущенные ресницы — за согласие принять защиту.

Через день он заказал жемчуг.

— Один? — повторил Никодемо.

Камаровский открыл глаза.

— У пистолета была одна рука.

— А у причины?

На этот вопрос он сил уже нашёл меньше. Губы дрогнули, звук вышел глухим.

— Причина у каждого своя.

Доктор наклонился к нему и велел сестре сменить компресс. На несколько минут гостиную закрыли. Консул вышел к окну, снял пенсне, долго протирал стёкла платком. Никодемо вернулся к столу с вещами.

— Полис, — обратился он к агенту.

Тот раскрыл сложенный документ. В комнате сразу прибавилось делового холода: печати, подписи, сумма, срок, фамилия страхователя, порядок выплаты. Никодемо читал медленно, сверяя русские имена с переводом, приготовленным консульским чиновником.

— Выгодоприобретатель?

Молодой агент сглотнул.

— Графиня Мария Николаевна Тарновская.

Консул резко обернулся.

— Этот документ требует проверки.

— Все документы требуют проверки, — ответил Никодемо. — Записывайте.

В описи жемчуг получил номер двенадцать. Полис — номер тринадцать. Письма — номер четырнадцать, хотя по времени они появились раньше всего: раньше договора, раньше подарка, раньше выстрела. Порядок зависел от руки чиновника, а не от жизни.

За ширмой вновь позвали сестру. Доктор произнёс несколько слов по-итальянски; тон у него изменился. Консул перекрестился. Камаровский попросил футляр.

— Покажите.

Никодемо подошёл к кровати с синей коробкой в руке.

— Открыть?

Камаровский кивнул.

Жемчуг лежал на бархате с той спокойной дороговизной, ради которой его и выбирали. Раненый смотрел на нить с выражением человека, узнающего собственное обещание в чужом кабинете.

— Передайте ей.

— Имущество будет опечатано до решения властей.

— Это подарок.

— Сейчас это предмет дела.

Камаровский понял сразу. В магазине ожерелье значило будущий брак. На террасе Лидо — покой, купленный заранее. В руках комиссара оно стало вопросом, который зададут Марии Николаевне при всех. Зачем жених приобрёл жемчуг накануне выстрела? Почему полис оформлен в её пользу? Кто знал о сумме?

Он попытался подняться. Доктор удержал его за плечо.

— Лежать.

— Она должна получить письмо.

— Получит, — пообещал консул.

— Сегодня.

Консул промолчал.

Камаровский посмотрел на него с неожиданной ясностью.

— Вы боитесь скандала.

— Я думаю о порядке.

— Нет. О скандале.

Это слово отняло у него остаток дыхания. Врач велел всем выйти, кроме сестры. Никодемо задержался у порога, ожидая ещё одной фразы, но раненый уже смотрел мимо него, к стене, где висела дешёвая акварель с видом лагуны. Розовое небо, плоские лодки, колокольня на дальнем берегу. В номере с дорогой мебелью эта картина выглядела случайной покупкой хозяина гостиницы; сейчас граф смотрел на неё внимательнее, чем на людей.

Через четверть часа сестра вынесла лист.

Письмо получилось коротким. В конце стояла подпись:

Павел Камаровский. Первая буква сохранила прежний нажим, фамилия распалась на ломаные линии. У последней черты собралась клякса.

— Копию в дело, — распорядился Никодемо.

— Оригинал адресату, — напомнил консул.

Комиссар поглядел на него без раздражения.

— После перевода.

Врач назвал час ухудшения. Сестра заменила воду в фарфоровой чаше. Агент внёс в опись ещё три предмета: золотые запонки, конверт с визитными карточками, маленький ключ без бирки. В коридоре зашептались служанки; одна заплакала, другая велела ей уйти к лестнице. С улицы донёлся выкрик газетчика. В нём различались два слова: “русский граф”.

Когда Камаровский умер, часы на камине показывали начало одиннадцатого. Доктор закрыл ему глаза. Консул поцеловал крестик на цепочке. Никодемо снял шляпу и через минуту вновь взял карандаш.

Он дописал медицинскую строку, сверил номера, поставил подпись под перечнем вещей. На последнем листе оставалось место для оружия, показаний Наумова, заключения эксперта и перевода русских писем.

В материалах дела пуля помещалась ниже. Выше шла строка: в пользу Марии.

ЧАСТЬ I. ТЕЛО И ПОЛИС

Глава 1. Чиновник без полномочий

Илья Аркадьевич Россоловский прибыл в Венецию через двенадцать дней после смерти Павла Камаровского.

Поезд из Вены вошёл на Santa Lucia в седьмом часу утра. Под железными фермами вокзала висел угольный дым; стеклянная крыша собирала серый свет лагуны и делала лица пассажиров усталыми, чужими. Носильщики катили тележки с сундуками, немецкая гувернантка считала детей у дверей состава, англичанин в клетчатом пальто спорил из-за баула, два карабинера стояли у выхода с видом людей, привыкших к громким фамилиям и дурным газетам.

Россоловский вышел из вагона с кожаной папкой под мышкой и небольшим саквояжем в руке. Большой чемодан следовал багажом; ключ от него лежал в жилетном кармане рядом с плоскими часами и сложенным предписанием Министерства внутренних дел. Предписание было составлено осторожным языком: содействовать консульству, наблюдать за ходом расследования, собирать сведения, касающиеся российских подданных, сохранять уважение к властям Королевства Италия.

В документе отсутствовало главное слово: расследовать.

В первом абзаце речь шла о содействии. В последней строке стояла подпись директора департамента. Право на следствие отсутствовало. Россоловский прочёл бумагу шесть раз за дорогу и каждый раз останавливался на том же пропуске. Из Петербурга он ехал в город, где убили графа Камаровского, арестовали офицера Наумова, задержали Тарновскую и адвоката Прилукова; в руках у него было лишь право вежливо присутствовать при чужой работе.

У выхода его ждал консульский служащий — молодой человек с приплюснутым цилиндром, рыжими ресницами и выражением канцелярской тревоги. Он держал табличку с фамилией, написанной французскими буквами: ROSSOLLOVSKY.

— Илья Аркадьевич? — осведомился он.

— Да.

— Коллежский секретарь Пальцев. Консул просил доставить вас прямо к нему. Багаж возьмут.

Россоловский поглядел на табличку.

— Две лишние буквы.

Пальцев смутился.

— Итальянский писарь переписывал из телеграммы. Здесь с нашими фамилиями обходятся плохо с первого дня.

— Фамилии выдерживают многое.

Пальцев улыбнулся из вежливости и сразу оглянулся к газетному киоску. Там уже собрались пассажиры. На переднем листе лежала иллюстрированная газета: в центре — женщи-

на в чёрном, лицо под вуалью, рядом высокий мужчина с револьвером, а внизу крупный заголовок про “русскую графию”.

— Лучше вам не покупать, — тихо предложил Палецев.

— Значит, купите вы.

Служащий поморгал.

— Сейчас?

— Сию минуту.

Палецев подошёл к киоску, взял газету, расплатился мелочью и вернулся с видом человека, выполнившего сомнительное поручение. Россоловский сложил лист, не раскрывая, и сунул в папку.

За дверями вокзала начиналась вода.

Гранитные ступени спускались к причалам; к ним были привязаны гондолы, рабочие лодки, полицейская барка с низкой крышей. На другом берегу канала тянулись фасады с закрытыми ставнями, лодочные столбы, вывески гостиниц, складские двери. У самой воды темнела полоса ила. На камне лежали обрывки соломы, апельсиновая кожура, следы угля от доставленных корзин. У причала пахло солью, табаком, лошадиной кожей от дорожных ремней и горячим железом паровоза, оставшимся за спиной.

Первый взгляд на Венецию Россоловский принял без внутреннего отклика. Он отметил переправу, расстояние до консульства, число полицейских у пристани, толпу у киоска. Он воспринимал город как вещь служебного порядка: зна-

чительную, дорогую, требующую учёта.

— Поедем лодкой, — проговорил Пальцев. — Экипажей здесь, разумеется...

Он осёкся, вспомнив, что объясняет Венецию человеку, который способен обидеться на лишнее пояснение.

— Я знаю.

Лодочник снял шляпу, принял саквояж, поставил его у ног пассажира. Пальцев уселся напротив и прижал к коленям свой портфель. Барка отошла от ступеней. Весло ударило по воде, с берега донёсся крик носильщика, за ним — свисток начальника станции.

Россоловский смотрел на дома. Мрамор у нижних ступеней был съеден солью; двери, предназначенные для парадного входа, выходили прямо к каналу; над ними висели гербы, балконы, заржавевшие фонари. В окнах виднелись шторы, комнатные растения, клетки с птицами, распахнутые ставни. Дворцы, лавки, церкви и склады стояли в одном тесном ряду. В петербургской бумаге всё это называлось местом происшествия.

— Господин консул просил предупредить, — начал Пальцев, — дело деликатное.

— Убийство обычно имеет это свойство.

— Здесь вдобавок пресса. И женщины из русской колонии.

— Они тоже относятся к следственным сложностям?

— В Венеции — да.

Пальцев открыл портфель, вынул конверт с сургучной печатью.

— Для вас приготовлена сводка. Ночная телеграмма из Рима, копия полицейского извещения, перевод первых показаний Наумова. Протокол осмотра комнаты пока у комиссара Николедмо.

— Кто он?

— Человек трудный.

— Это рекомендация.

— Итальянец до костей. Смотрит на русских с подозрением. Нашего языка не знает, по-французски говорит сухо, шутки оставляет без ответа. Вчера велел убрать из коридора двух журналистов и одного русского аристократа.

— За что?

— За любопытство.

Россоловский принял конверт. Бумага была тёплой от руки Пальцева. На клапане стояла круглая печать консульства: двуглавый орёл вдавлен в красный сургуч, край смазан. Он положил конверт на колени, разрезал ножом для бумаг, вынул листы.

Первым шёл краткий перечень.

Павел Александрович Камаровский, граф, русский подданный, скончался в Венеции от огнестрельного ранения.

Алексей Наумов задержан по подозрению в совершении выстрела.

Мария Николаевна Тарновская, урожденная О'Рурк, гра-

финя по браку, находится под наблюдением полиции.

Донат Андреевич Прилуков, присяжный поверенный, задержан для допроса.

В конце листа рукой Пальцева была сделана приписка: “Итальянские власти склонны расширить обвинение”.

— Это вы добавили?

— Да.

— Чем вызвана?

Пальцев не сразу ответил. Лодочник провёл барку под мостом; голоса на несколько секунд стали глуше.

— Они считают, что Наумов стрелял по внушению.

— Внушение — удобный термин.

— Господин консул предпочитает слово “влияние”.

— Он осторожен.

— Он здесь живёт.

Россоловский поднял глаза. Молодой служащий покраснел, но взгляд выдержал. Венецианский воздух, сырой камень, иностранная полиция, газеты на трёх языках, русские фамилии в итальянских ртах — всё это за двенадцать дней успело сделать Пальцева старше его чина.

Барка свернула в узкий канал. Окна приблизились; из одного служанка выливали ведро, из другого мужчина в жилете брился перед зеркалом. Над водой шли каменные арки, низкие, с облупленной штукатуркой. На балконе сушились простыни; рядом висели два детских чулка и женская сорочка с кружевом. Россоловский невольно подумал, что в таком

городе скрыть тайну надолго можно лишь при большом количестве денег. Иначе её видит прачка.

— Вы уже видели графиню? — спросил он.

Пальцев сжал ручку портфеля.

— Один раз. В консульстве, до ареста.

— И?

— Я чиновник, Илья Аркадьевич.

— Именно поэтому спрашиваю.

Молодой человек посмотрел в сторону. Барка проходила мимо лавки стекольщика; в глубине помещения мальчик раскладывал бокалы на полке. За его спиной сверкнуло зелёное, синее, прозрачное стекло.

— Она не похожа на газетный рисунок, — выговорил Пальцев.

— Такие листы редко заботятся о сходстве.

— Там её делают старше. И злее.

— А при встрече?

— В жизни... — Пальцев подбирал слова с усилием. —

В жизни после неё в комнате все начинают говорить тише. Даже те, кто пришёл требовать.

Россоловский записал эту фразу на обороте сводки. Пальцев заметил и смутился сильнее.

— Это лишнее.

— К делу относится всё, что меняет поведение свидетеля.

— Я свидетелем себя не считаю.

— Эту привилегию вам полиция не оставит.

Пальцев умолк. В его молчании читалось раздражение, смешанное с облегчением: рядом оказался человек, который мог взять на себя часть вины за будущие неприятности.

Консульство занимало второй этаж старого дома близ площади, куда барка пришла через боковой канал. С воды вход выглядел скромно: тёмная дверь, медная табличка, каменные ступени, узкая площадка. У стены стоял карабинер. Пальцев показал карточку, и тот отступил.

Внутри пахло бумагой, сургучом, табачным дымом и свежей известью: на первом этаже ремонтировали стену. Лестница поднималась круто, с узкими поворотами. На площадке ждали два посетителя — старик в потертом пальто и женщина с ребёнком на руках. При виде Пальцева они вскочили. Служащий бросил им несколько слов по-русски: принять смогут после полудня. Женщина начала просить, старик снял шапку. Пальцев прошёл мимо с выражением человека, который научился выбирать чужую беду по степени срочности.

Кабинет консула был обставлен на русский вкус: тяжёлый письменный стол, зелёное сукно, портрет государя, карта Средиземного моря, шкаф с делами, икона в углу. Венецианскими оставались только окна: высокие, с тонкими рамами, открытые на канал и фасад церкви за ним. Свет падал на бумаги холодными полосами.

Консул Сергей Петрович Воронин поднялся из-за стола. Ему было около пятидесяти; широкие плечи портили покррой

сюртука, короткая шея делала воротник мучительным. Лицо сохранило следы недосыпа, но усы были расчёсаны безукоризненно.

— Наконец, — приветствовал он Россоловского. — Вашей командировки здесь ждали.

— В надежде на облегчение?

— Скорее, в предчувствии новых затруднений.

Они обменялись поклонами. Воронин указал на кресло, сам сел и сразу взял со стола папку с синей тесьмой.

— Скажу прямо. Итальянцы ведут дело ревниво. Газетчики наглеют. Русская колония ведёт себя глупо. В Петербурге желают знать всё и фигурировать как можно меньше.

— Мои полномочия?

Консул раскрыл папку.

— Официально вы состоите при консульстве в качестве лица, командированного для сбора сведений о российских подданных, причастных к делу Камаровского.

— Допросы?

— С разрешения следователя.

— Осмотр вещественных доказательств?

— Через комиссара Никодемо.

— Переписка обвиняемых?

— Копии после перевода и утверждения.

— Разговор с Тарновской?

Воронин поднял глаза.

— В установленном порядке.

— Иными словами, без права вмешательства.

— С русским наблюдателем считаются. Разница есть.

Россоловский вынул из внутреннего кармана портсигар, но, взглянув на икону, закрыл крышку.

— Для газет разница существенная, для полиции скромная.

— Для Петербурга достаточная.

Воронин откинулся на спинку кресла. За окном прошла барка с корзинами овощей; женщина у руля крикнула кому-то на мосту. В кабинете на мгновение стало слышно чужую жизнь: торговлю, церковный звон, шаги по камню.

— У нас задача с двумя краями, — продолжил консул. — Камаровский был человеком известным, с деньгами и связями. Его смерть требует внимания. Но расширение процесса опасно. При доказанном заговоре имя русской аристократии неделями будет на первых полосах. Финансовые обстоятельства уведут неприятности дальше салонного скандала.

— Какие именно?

Воронин передвинул папку через стол.

— Полис.

Россоловский раскрыл дело. На первом листе лежал перевод страхового документа. Бумага пахла свежими чернилами. В строках стояли сумма, дата, подпись Камаровского и имя получательницы выплаты.

Мария Николаевна Тарновская.

Впервые за утро Россоловский задержал взгляд на имени

дольше обычного. Титул, происхождение, брачная фамилия занимали меньше места в его внимании, чем сочетание трёх слов, уже ставшее в Венеции вывеской для чужого возбуждения.

— Сумма крупная, — произнёс он.

— Достаточная для мотива.

— Кто знал о полисе?

— Камаровский. Страховой агент. Вероятно, Прилуков. Допускаю участие самой графини. Об их образе жизни знала половина Европы.

— Наумов?

— Утверждает, что узнал позже.

— После чего?

— Своего решения стрелять.

Россоловский поднял брови.

— Он это так произносит?

— Его ответы беспорядочнее. Переводчик привёл речь в приличный вид. Молодой человек говорит об унижении, долге, свободе, смерти. Из практических сведений даёт мало.

— Слово “сам” употребляет часто?

Воронин взглянул на него с первым живым интересом.

— Да. Откуда вы знаете?

— Человек, опасаящийся чужой воли, защищает свою слишком громко.

Консул закрыл папку ладонью.

— Илья Аркадьевич, прошу об одном. Ваши умозаключения могут быть сколь угодно тонкими; бумага в Петербург должна уйти осторожная.

— Осторожные бумаги остаются в архиве дольше правдивых.

— За правду часто платят карьерой.

— Мою?

— Чью угодно.

Между ними возникла пауза. Воронин первым отвёл взгляд к окну. Россоловский заметил на его столе лист телеграммы, сложенный вчетверо, и уголок газетной вырезки. На вырезке была видна женская шляпа с чёрной вуалью.

— Вы боитесь Тарновской? — спросил Россоловский.

Консул обиделся.

— Я боюсь не женщин, а последствий.

— В делах такого рода это близкие понятия.

Воронин поджал губы.

— С графиней следует обращаться корректно. Она обвиняема в глазах улицы, но юридическое положение меняется каждый день. Адвокаты уже прибыли. Один итальянский защитник стоит целого министерства.

— Она красива?

Консул помолчал, выбирая ответ с заметным раздражением.

— Вопрос из газетного набора.

— Или из следственного. При красивой женщине свиде-

тели меняют показания.

— У каждого своя красота, — резко откликнулся Воронин. — Камаровский видел одну женщину, Наумов другую, Прилуков третью. Мои служащие — четвёртую. Итальянцы — пятую. Газеты продают шестую. У меня нет времени устанавливать седьмую.

Россоловский улыбнулся впервые за утро.

— Это уже полезно.

— Чем?

— У нас, кажется, нет предмета. Есть отражения.

Консул нахмурился.

— Воздержитесь от таких фраз при Никодемо. Он потребует перевода на язык квитанций.

— Хороший инструмент.

Воронин поднялся и подошёл к шкафу. Достал связку копий, перевязанных серой тесьмой, положил гостью на стол.

— Здесь всё, чем консульство может поделиться сразу: список русских, проживающих в городе; гостиничные адреса; краткие сведения о прошлом графини; первые газетные заметки; копия письма Камаровского, написанного перед смертью. Оригинал удерживает полиция.

Россоловский развязал тесьму. Сверху лежал лист с дрожащей подписью. Почерк был чужой: сестра записывала под диктовку. В конце — ломаная фамилия Камаровского, клякса у последней черты.

Он прочёл письмо один раз. Затем второй. В нём умира-

ющий просил оградить Марии Николаевны имя от толков и передать ей предназначенное имущество без спора. Обвинения в письме не было. Удивление также отсутствовало. Только забота, оформленная перед свидетелями.

— До последней минуты он её оберегал, — проговорил Воронин.

— Он берег своё представление о ней.

— Разница существенна?

— Для покойного уже нет.

Консул устало сел.

— По этой причине вас прислали из Петербурга.

— За грубость?

— За умение отделять чувство от формулировки.

Россоловский снова посмотрел на письмо. Его пальцы не касались подписи; он держал лист за край, как вещественное доказательство, хотя перед ним находилась копия.

Два года назад в другой папке лежала записка женщины, зажатая им за самый угол. Варвара Ладыгина, жена губернского чиновника, писала о побоях, угрозах, ночных визитах к её комнате. Муж представил свидетелей, врач употребил слово “нервы”, губернатор просил не раздувать семейный случай. Россоловский тогда составил справку без лишнего усердия. Бумага получилась грамотная, умеренная, служебно безупречная. Через месяц Варвара Ладыгина выпала из окна. В отчёте указали приступ.

С тех пор он с опаской относился к словам “истерия”,

“влияние”, “домашнее дело” и “по семейным обстоятельствам”. За каждым таким словом чиновник мог спрятать свою трусость, сохранив вид честной службы.

— Что именно хочет министерство? — спросил он.

Воронин долго молчал.

— Понять, насколько глубоко это зайдёт.

— В суде?

— В газетах. В банках. В русских фамилиях. В деньгах Камаровского.

— Значит, убийство уходит на второй план.

— В Петербурге всё вторично, кроме последствий.

Россоловский вложил письмо в папку.

— Мне нужно увидеть комнату.

— Никодемо назначил встречу на полдень.

— На месте?

— В полиции.

— Он тоже видит во мне наблюдателя?

— Для него вы помеха. Это лучше. С помехами считаются.

Пальцев, всё это время стоявший у двери, кашлянул.

— Илья Аркадьевич, ваш номер готов. Hotel Europa отказал, там журналисты. Мы сняли комнату в небольшом доме у San Moisè. Тихо, близко к консульству, хозяин надёжен.

— Кто ещё знает адрес?

Пальцев замялся.

— Консульство.

— Газеты?

— Пока нет.

— Хорошо. Слово “пока” запомним.

Консул подал ему визитную карточку.

— В одиннадцать жду вас снова. Просмотрите материалы, переоденьтесь, отдохните с дороги.

— Отдых отложим.

— В этом городе спешка дорого обходится.

— Следствию важен час. Местный вкус внесём в протокол позже.

Эта фраза консулу понравилась меньше, чем остальные. Он проводил гостя до двери, остановил у порога и понизил голос:

— Отдельное предостережение. С графиней всякий разговор записывайте сразу. Лучше — в присутствии третьего лица.

— Почему?

Воронин поджал губы.

— После беседы с ней люди помнят свои слова хуже её слов.

Россоловский удержал ответ. Это была уже вторая попытка обрисовать женщину без лица: после встречи с ней говорят тише; собственные слова помнят хуже. В обоих случаях речь шла не о лице, фигуре или возрасте. О действии.

На лестнице Пальцев шёл впереди. В руках он нёс папку с копиями и всё оглядывался, проверяя, следует ли за ним

новый начальник, гость, спасение или беда. У дверей первого этажа женщина с ребёнком снова поднялась со скамьи. Ребёнок спал, запрокинув голову; на виске прилипла прядь волос. Старик в потертом пальто стоял у стены и мял шапку.

— После полудня, — торопливо выговорил Пальцев.

Женщина шагнула к Россоловскому.

— Барин, мужа моего взяли на пароходе. Бумаг нет, а он наш. Скажите им, что он из России.

Пальцев попытался её отвести. Россоловский остановился.

— Фамилия?

— Степан Гвоздев.

— Запишите, — велел он Пальцеву.

— У нас сейчас дело Камаровского...

— Запишите.

Молодой служащий достал карандаш. Женщина начала быстро говорить: название парохода, имя капитана, пристань, спор из-за жалованья. Россоловский слушал, не перебивая. Это заняло три минуты. Для Пальцева такой срок выглядел расточительством. Для женщины — правом на существование.

Когда они вышли наружу, солнце поднялось выше. На каменных плитах площади лежал резкий свет. У лавки продавали цветы: фиалки, розы, белые гвоздики. Два журналиста у моста сразу повернули головы к дверям консульства. Один узнал Пальцева, другой глядел на Россоловского с профес-

сиональной надеждой.

— Кто это? — спросил Россоловский.

— Француз и итальянец. Третий, англичанин, появится к обеду. Они сменяются, как караул.

— И вы говорите с ними?

— Только когда молчать вреднее.

Журналисты двинулись навстречу. Пальцев резко свернул в узкий проход между домами. Россоловский последовал за ним. Каменные стены стояли близко, окна на уровне плеч были закрыты решётками. В конце прохода виднелся малый мост, за ним вода и боковая дверь гостиницы.

— Так короче, — пояснил Пальцев.

— И меньше свидетелей.

— И это.

У двери гостиницы их встретил хозяин — полный венецианец с аккуратной бородкой и цепочкой часов на жилете. Он поклонился, назвал Россоловского “эксцеленца”, хотя чин этого не позволял, и повёл наверх. Комната оказалась узкой, чистой, с высоким потолком, железной кроватью, умывальником, столом и окном на канал. На стене висела гравюра с видом Сан-Марко. На столе стояла лампа, рядом лежал нож для писем, два листа бумаги и конверт без адреса.

— От кого? — спросил Россоловский.

Хозяин развёл руками.

— Принесли утром.

Пальцев побледнел.

— Адрес?

— Для русского господина из Петербурга.

Россоловский взял конверт щипцами для сахара, лежавшими на подносе. Бумага была дорогая, плотная, без печати. Почерк на лицевой стороне отсутствовал; только тонкая черта карандашом у края, знак для того, кто доставлял.

— Кто принёс?

— Мальчик.

— Какой?

— Из тех, что продают цветы у церкви. Маленький, с шрамом над бровью.

— Видели, кто дал ему конверт?

— Нет, синьор.

Пальцев стоял у двери с открытым ртом.

— Мы никому не сообщали адрес.

— Значит, кто-то сообщил до вас, — заключил Россоловский.

Он вскрыл конверт ножом. Внутри находилась газетная вырезка без подписи. Та самая иллюстрация с вокзального киоска: женщина в чёрном, вуаль, мужская рука с револьвером. По полю красным карандашом было обведено лицо. Под рисунком французскими буквами стояла строка: *La comtesse russe*.

Больше ничего.

Пальцев прошептал:

— Это угроза?

Россоловский положил вырезку на стол рядом с материалами консульства. Два изображения Марии Николаевны теперь существовали в его комнате: одно — газетное, рассчитанное на продажу; второе — юридическое, в строке полиса. Женщины там ещё не было.

— Кто-то хочет, чтобы я начал с лица, — ответил он.

— Кто?

— Тот, кто прислал вырезку.

Он подошёл к окну. Внизу прошла лодка с корзинами белья. Женщина у руля подняла глаза, узнала чужого постояльца, отвела взгляд. В соседнем доме на подоконнике стояла клетка с канарейкой; птица прыгнула с жердочки на жердочку, и тонкая дверца дрогнула.

Россоловский закрыл ставню наполовину. На столе остались полоса света, папка консульства, газетная вырезка и перевод полиса. Внизу, в графе получателя, имя было набрано машинкой:

Мария Николаевна Тарновская.

Портрета у него ещё не было. Голоса тоже. Тела он не видел. Чернила складывались в имя, ради которого стоило умереть... или из-за которого пришлось погибнуть.

К полудню он должен был встретиться с комиссаром Никодемо.

Глава 2. Комиссар Никодемо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.